

Альфред Адлер

Индивидуальная психология как путь к познанию и самопознанию человека

Я не знаю, будете ли вы благодарны мне по завершении этого доклада так, как я вам благодарен за ваш любезный приход, когда я продемонстрирую вам все вооружение индивидуальной психологии при полном параде, хотя я не думаю, что мне удастся убедить тех, кто, возможно, еще с ней не знаком и не имеет представления о нашей задаче. Я часто обнаруживал у критиков нашей науки то, что они хватаются за второстепенное: освоив лишь инструментарий нашей работы, они полагают, что если они разобрались с клавиатурой, то они со знанием дела могут судить о результатах, которых с помощью этой клавиатуры можно добиться. Но это совсем не так. Если кто-то думает, что задачи и достижения индивидуальной психологии сводятся исключительно к описанию чувства неполноценности, стремления к превосходству и компенсации их различных форм, то он ошибается.

Мы ведем речь о познании линий и путей внутри обширной области человеческой души, о том, чтобы научиться понимать сложные мелодии психики индивида, которые звучат подобно симфонии, сочиненной композитором. В этом смысле каждый человек является творцом, ибо он творит нечто из различных врожденных факторов и возможностей. По этой причине картина его душевной жизни составляет единство.

Этот тезис — ворота в индивидуальную психологию, ее необходимая предпосылка. Мы не могли бы добиться никаких плодотворных результатов в нашей работе, если бы не представляли себе живо, о чем говорит нам каждое выражение душевной жизни. И также если бы мы сбились с пути в наших исследованиях, то могли бы обнаружить у человека две души или больше, а может быть, ни одной. Если бы человеческой не было свойственно единство, всякая попытка добиться ясности в этом смысле была бы безусловно обречена. Здесь мы можем опереться на свидетельства великих предшественников, которые, правда, не совсем точно трактовали душевную жизнь, но в ее понимании ушли гораздо дальше многих современных исследователей. Пожалуй, достаточно указать на утверждение единства личности у Канта, при том, что тогда и речи не было о каких-либо психологических исследованиях. Нам удалось сделать следующий шаг и пролить свет на происхождение единства личности. Конечно же, в науке существуют направления, которые сомневаются в этом единстве и находят внутреннюю противоречивость личности более убедительной. Мы же полагаем, что правы те, кто исходит из связного единства личности, а не естественно-научной закваски философы, привыкшие вырывать отдельные симптомы из общей картины. По нашему мнению, они подобны человеку, который хочет по отдельным нотам оценить прелесть всей мелодии. Значение ноты, аккорда, такта может быть понято, однако, из рассмотрения их общей взаимосвязи, и следует сначала воспринять мелодию ее единстве и уже на основании впечатления о целом судить о частностях.

Многим это может показаться странным, но судить о чем-либо можно не иначе, как только поняв сначала целое и проследив единую связь, проникающую во все частности. Эта связь, эта линия движения должна показать нам душевную жизнь, в которой ничто не находится в состоянии покоя, в которой всякий движущийся элемент есть завершение предшествующего движения и начало нового. Это можно уподобить кинофильму, развертывающемуся перед нашими глазами, когда каждая сцена становится понятной только, если мы держим в уме целое, если мы мысленно прослеживаем единую линию движения и пытаемся предугадать его финал, конечную его цель, где все сходится вместе. Поэты прошлого, создавая образы людей, действовали так, что уже в начале, в первом акте завязывались основные линии, которые неизбежно должны были вести к единому завершению. Также и великие композиторы уже в первых тактах закладывали основу смысла всей симфонии. Они-то и представили нам истинную картину душевной жизни человека.

Ребенок приходит в мир, наделенный способностью к рефлексам и некоторым числом потребностей. Очень скоро он становится вынужден подчинять все свои движения какой-то ведущей идее; мы можем очень общо выразить ее, когда говорим: самосохранение, стремление к превосходству, необходимость защиты; но под этим мы понимаем: речь идет прежде всего об определенном шаге, который ребенок должен сделать. Его природные силы естественным образом следуют принципу самосохранения, создают возможности развития, когда набрасывается подобный жизненный план, однако при этом ребенок каждую минуту формирует свои собственные способности в тесном контакте со своим окружением. И это не случайное развитие событий: оно включено в общественную связь, которая задает направляющие линии, которые, уравниваясь в душевной жизни ребенка, встраиваются в его жизненные планы и в его формирование. Если требуется понятие для того, чтобы ориентироваться относительно того, куда направлено это движение душевной жизни, скажем, что оно стремится к большему, к дополнению, к усилению, к могуществу, так как все это обещает ребенку некоторую защищенность и позволяет избежать крушения.

Эта ситуация создает некий порядок возрастания, свойственный не только ребенку, но и всему человечеству в целом. Такой эффект (его можно назвать также неудовлетворенностью) оказывает неотступное давление и порождает нужду в компенсации, в достижении состояния покоя, надежности.

Взор ребенка, без сомнения, направлен к такому Ты-пункту, к ситуации, которой подчинены все его силы. И если подвергнуть это движение внимательному рассмотрению, мы поймем, что происходит непрерывная работа по формированию единства личности, стремящейся занять позицию по

отношению к большим вопросам.

Значит ли это, что мы все суть движение и что наша жизнь должна быть понята только как движение? Не было бы никакого смысла, если бы какое-нибудь растение, закрепленное корнями в земле, имело душу. Ему нечего было бы с ней делать; такая закрепленность его органов исключает какую-либо возможность защиты или нападения. Душевную жизнь мы находим только у тех органов, которые находятся в движении. Само собой разумеющимся фактом является то, что центры органов движения и душевной жизни внутренне настолько слиты, что мы можем говорить о психофизической нейтральности. Движения человеческого тела служат тому, чтобы вывести его к некоей безопасной ситуации, в которой бы сохранялось единство человека; теперь становится ясно, что душевный орган есть орган защиты и нападения и как таковой подчинен некоему плану, и что душевная жизнь испытывает принуждение со стороны органов, которые все представляют собой частичные движения. И все симптомы должны быть звеньями этой единой линии действий, линии движений, единой личности. Эта точка зрения имеет в настоящее время чрезвычайно важное значение для психологии. Разумеется, тот, кто сомневается в этих предпосылках или возражает против них, вряд ли сможет дальше двинуться вместе с нами и понять, какие выводы вытекают из этой точки зрения в связи с конкретными факторами душевной жизни; он не поймет, о чем говорит нам какое-либо движение, скрывающееся в симптоме, представляющее собой факт душевной жизни в ее целостности.

Смысл симптома становится нам ясен тогда, когда мы понимаем его включенность в целое (Einordnung), когда мы рассматриваем конкретное душевное движение как часть человека, как завершение предшествующего и начало последующего движений. Отсюда с необходимостью мы приходим к выводу: все, что мы можем наблюдать в душевной жизни человека, есть подготовка к дальнейшему движению.

Можно сформулировать следующую общую рекомендацию: во всех душевных явлениях наличествуют тенденции, и если мы хотим их понять, мы должны стремиться к познанию их цели. Любые характеристики могут иметь различный смысл; у различных людей и при различной направленности они часто несут в себе совершенно различные тенденции. И если мы продолжим двигаться по этому пути, то должны будем признать, что не существует никаких устойчивых характеристик, и следует вести речь об аппарате достижения безопасности как источнике тенденций (tendenziosen Sicherungsapparat). Можно вспомнить, например, людей, которые боятся остаться в закрытой комнате, что позволило бы им преодолеть этот страх. Наблюдая за детьми, испытывающими подобный страх, мы постоянно обнаруживаем, что за этим страхом стоит некая тенденция, так что не приходится говорить о страхе в привычном смысле. Такие дети часто зовут на помощь, ибо это позволяет им прийти в соприкосновение с другими людьми. Удалившись от матери, ребенок начинает кричать от страха, и не хочет идти ни с кем другим. Из всех этих ситуаций вырастает нечто, что позволяет нам лучше и отчетливее представить себе картину целого, чем если бы мы пытались понять изолированный смысл отдельных явлений. Попытаюсь показать это с помощью одного довольно сложного примера.

Если мы теперь снова обратимся к нашей главной теме, то, безусловно, уже не сможем обойтись без этих предпосылок и должны будем констатировать, что все характеристики независимо от того, как мы их называем, всегда несут в себе тенденцию, всегда стремятся приблизиться к некоей единой цели. Однако очень скоро при более широком подходе мы столкнемся с тем, что эти характеристики отнюдь не прямолинейны; здесь обнаруживаются примечательные различия, нюансы, которые существенно корректируют наши суждения. Но рассмотрению частных случаев должно предшествовать познание целостной драмы жизни человека (Lebensspiel eines Menschen). Мы видим, например, что один прямолинейно движется к своей цели, почти не отклоняясь от своего пути, в то время как другой для того, чтобы приблизиться к ней, предпочитает окольные пути там, где он предчувствует столкновение с трудностями, а третий предпринимает столь длинный обходной маневр, что вообще не достигает желанного конца.

Таким образом, формируется довольно ясная картина ядра личности конкретного человека. Но эти линии поведения далеко не случайны. Мы не будем успокаиваться на том, что один не пасует перед трудными задачами и целеустремленно рвется к желанной цели, а, скажем, третий теряет общую задачу из виду, придумывая себе бесконечные промежуточные финиши; будет справедливым предположить, что такие формы жизни должны иметь свои корни в прошлом, в предыстории и что здесь не может быть никакой случайности, а напротив мы имеем дело с частью жизненного плана, частью, основа которой была заложена с самого начала. Эту картину ложного движения мы снова и снова можем наблюдать также и в других отношениях у тех же людей.

Не слишком ли это смелые выводы, — могут спросить себя многие? Однако если быть последовательным, то иной способ рассуждения ведет к недооценке симптомов. Например, при так называемых неврозах можно регулярно наблюдать ситуацию, когда человек, убаюканный надеждами, неожиданно наталкивается на какие-либо трудности, после чего в нем просыпаются сомнения. Немало людей, пытаясь решить какую-либо задачу и наталкиваясь на трудности, поддаются страху и, испытывая подобные потрясения, останавливаются на полпути к своей цели.

При неврозе навязчивости часты случаи, когда индивид вместо того, чтобы решать свои жизненные вопросы, занимается совершенно иными делами, например, сложными манипуляциями с числами, которые, конечно же, никому не приносят пользы, но из которых нам становится понятно: перед нами человек, уклоняющийся от решения своих жизненных задач, человек, ощущающий свою незащищенность, упавший духом, не верящий в себя, человек, в котором не осталось ни капли оптимизма. Он постоянно испытывает потребность спрятаться в кусты. То же самое мы наблюдаем и при всех остальных формах невроза.

Во всех этих уклоняющихся формах жизненного поведения, которые всегда обнаруживаются через пристрастие к бесполезным занятиям, мы находим некую знаковую игру, присущую таким людям. Эта знаковая игра показывает нам, что они под любым предлогом стремятся уклониться от решения всеобщих задач.

Теперь мы должны выяснить происхождение таких свойств характера, как малодушие, склонность к сомнениям и т. п. и показать далее, что все эти явления обусловлены всем жизненным планом, целью, предносящейся человеку, что он, сталкиваясь с жизненными проблемами, не просто отступает перед ними, но переключается на бесполезные занятия. И все это происходит в силу внутренней установки на сохранение единства личности.

Таким образом, возникает необходимость исследовать истоки такой ситуации, что приводит нас к раннему детству. Мы можем утверждать, что мы находим жизненный план такого человека, его конечную цель, к которой он стремится, сформировавшееся единство его личности уже на втором году жизни, причем ясно выраженными. Исключительно важным является то, что это единство личности существует, несмотря на то, что последняя еще не обладает сознательным мышлением, несмотря на то, что она не может критически к себе относиться? Эта личность возникла при обстоятельствах, которые не могут сохраняться вечно, но значение которых при свойственных ребенку незащищенности и неприиспособленности, а также вследствие вредных воздействий окружения переоценивается и неверно понимается. Перед нами вырастает, следовательно, задача, во-первых, проникнуть в этот целостный жизненный план, а во-вторых, откорректировать его. Как педагоги мы подходим к трудновоспитуемым детям со следующей предпосылкой: все дело в таких случаях заключается в жизненном плане, построенном на ошибках, за которые ребенок не может нести ответственности, ибо ни один воспитатель до сих пор не указал на эти ошибки. Никому не приходит в голову, что надо направлять наказание на заблуждения и шалости и вести с ними борьбу. Мы имеем плачевный результат. Жизненный план остается прежним, а конечная цель сохраняется, ребенок не осознает свои ошибки и не имеет возможности исправиться. А, следовательно, столкнувшись с трудностями при попытке найти свое место в жизни среди людей, он приходит в отчаяние. Если и это покажется похожим на схематизацию, то мы должны ответить, что охватить взглядом данную область мы можем, только упорядочив ее неким систематическим образом.

Очевидно, что речь в данном случае идет о предварительных понятиях, о системе положений, представляющей собой в то же самое время некую сетку, которая является предусловием для дальнейшей нюансировки. И мы полагаем, что высший пункт нашего познания совпадает с устремлениями современной культуры. Мы не утверждаем, что достигли в своем познании последней глубины и нащупали последнюю истину. Мы только говорим, что все изложенное составляет часть современного знания и современной культуры; и мы рады тем, кто готов к нам присоединиться.

Для дальнейшей разработки сети понятий нам нужно обратиться к рассмотрению тех проблем, которые ставит перед человеком жизнь. Нам кажется, что все жизненные проблемы тесно связаны между собой и поэтому могут быть сведены к трем основным.

Первой такой проблемой является отношение одного человека к другому, иначе говоря, проблема межличностной связи (*Mitmenschlichkeit*). И если кто-то полагает, что его это не касается, то он ошибается, ибо эту проблему приходится решать каждому, даже тем, кто пытается ее игнорировать. Эта установка — также проявление отношения к другим. Пойдем дальше. Наше сегодняшнее понимание есть точка зрения развития, которую мы хотим довести до определенных границ. И мы ставим себе задачей освободить все силы человека для того, чтобы он мог двигаться вперед. Проблемы дружеских, приятельских и более широких межличностных отношений являются общими для всего человечества. И решить эту проблему способен каждый, ибо факт человеческой общности уже содержится в понятии человеческой жизни как предпосылка. Невозможно представить себе человека, который был бы лишен всякой связи с другими. Это касается даже Робинзона, ибо на своем острове он являлся своего рода представителем человечества, что подразумевает, конечно же, соотносительность с другими людьми. Тому же, кого интересует, как сформировались в человеке эти социальные пружины, эта склонность воспринимать себя частью всего человечества, придется перейти в область биологии и удовлетвориться тем простым фактом, что всякое живое существо, не наделенное от природы достаточной силой, вынуждено искать защиты, соединяясь с себе подобными в группы и стада. Лев, горилла могут жить в одиночку; но более слабые живые существа собираются в стадо, ибо в объединении они обретают защиту от угрожающих им природных сил и

даже способны переходить в наступление.

Среди живых существ, с которыми природа обошлась особенно сурово в этом смысле, человек несомненно занимает первое место. Он лишен всякого оснащения, свойственного другим животным, которое бы позволяло ему вести борьбу с природой, и должен сам обеспечить себя всеми необходимыми средствами защиты. Вся наша культура представляет собой результат этих защитительных тенденций, обусловленный связанностью людей между собой, как обусловлены ею и все человеческие способности, которым мы приписываем ценность. Действие этой связанности мы и обозначили понятием «чувство общности». Здесь — источник развертывания всех душевных способностей человека, таких как, например, язык, который возникает только в обществе и служит укреплению связанности людей между собой. Также и разум есть дитя общества, ибо возникает из диктуемого последним требования всеобщей значимости (Кант). Немыслимы без человеческого общества мораль и этика.

Вы видите сами, что, пытаясь разрешить вопрос о связи между отдельным человеком и общественным целым (Gesamtheit), мы неизбежно принимаем следующий вывод: все способности человека происходят из этой связанности. Но именно поэтому этим способностям наносит ущерб всякое нарушение общественных отношений независимо от его причины. Представьте себе ребенка, испытывающего страх перед другим человеком, видящего в нем своего врага: как это может сказаться на его речи? Она не будет протекать просто и беспрепятственно: ребенок может заикаться, робеть. Его речевое развитие будет изначально парализовано, ибо ему недостает импульса, вырастающего из ощущения сопринадлежности (Zusammengehörigkeit).

То же можно сказать и о развитии разума. Если ребенка лишают возможности общения с коллективом и тем самым подрывают его чувство сопринадлежности, то когда такой ребенок идет в школу, он попадает в разряд «неспособных», поскольку ему не под силу элементарная сосредоточенность, необходимая для младшего школьника. В этом состоит важный момент искусства воспитания, и мы придаем особое значение тому, чтобы готовить ребенка к задачам, которые ему предстоит решать в будущем. И если вы представляете себе, насколько недостаточно ведется подготовка детей перед школой, то вас не удивит то, что при поступлении в школу ребенок попадает в трудную ситуацию, в которой этот недостаток подготовки становится очевидным, как и несовершенство жизненного плана в целом. У такого ребенка постепенно обнаруживаются существенные пробелы в мышлении, в моральных качествах, в языке и в чувственном развитии.

Повторю то, что уже как-то говорил: быть человеком — значит обладать чувством неполноценности; давление природы, жизненных тягот, жизни в обществе, брэнности человека слишком сильно, чтобы кто бы то ни было сумел избавиться от этого чувства. Однако смотреть на это следует не как на неустранимый порок, а скорее как на залог, начало, стимул к развитию человечества, которое не только само считает себя способным достичь состояния защищенности, но и постоянно побуждаемо к этому. Однако в силу различных моментов это чувство неполноценности иногда может настолько углубляться, что защищенность, столь желанная для ребенка, становится для него недостижимой. Это чрезвычайно важный момент в воспитании детей, которые из-за своей слабости требуют таких условий, какие мы не можем им обеспечить. Дети, которые вдобавок к их изначальному изъяну еще сталкиваются с препятствиями в развитии сознания и самостоятельности, плохо готовы к предстоящим им трудным ситуациям. И в дальнейшем непременно окажется, что школа им еще не по плечу, и необходимы дополнительные усилия для того, чтобы эту неготовность по мере возможности исправить.

И если мы спросим себя теперь, в ком нам видеть важнейшего посредника в решении этих первых жизненных проблем, то наш взор остановится на фигуре матери. Возможность и даже требование социализации (Vergesellschaftlichung) присутствует в каждом ребенке, и мать как человек, первым прививающий ребенку чувство общности, должна стать для него таким «Ты», с которым он будет считаться в процессе общения. Ребенок же в своем отношении к матери ощущает ее как часть целого, как сопринадлежность; он переживает мать как первого ближнего. Мы можем констатировать, что эта функция должна принести свои плоды, если только в данном процессе не будут допущены ошибки. Из наших рассуждений становится понятно: если указанная задача по вине матери остается нерешенной, если она формирует у ребенка столь сильное чувство привязанности к себе, что связь с другими людьми и даже с отцом становится невозможной, то мы должны признать роль матери неудачной; у ребенка тогда отсутствует интерес к другим людям и он стремится всегда быть рядом с матерью. Равно невозможно формирование у него мужественности, ибо он всегда нуждается в другом человеке, и эта зависимость ведет к появлению такой черты характера, как трусость. Такие дети должны быть трусоваты. Правда, сами они (если мы зададим им такой вопрос) вряд ли смогут дать нам правильный ответ.

Ребенок всегда будет тянуться к руке матери, показывая тем самым, сколь ненадежно он себя чувствует. Даже отходя ко сну, он не хочет расставаться с матерью, так что она вынуждена находиться рядом с ним и ночью.

Нет необходимости становиться на точку зрения тех, кто считает, что дело здесь в сексуальной связи. Само собой разумеется, что столь сильная связь, когда никто не имеет значения, кроме

матери, включает в себя и сексуальное влечение. Но ведь вполне возможно формирование привязанности у ребенка по отношению к животному или другому ребенку. Воспитатель же должен стремиться к тому, чтобы нацелить движение ребенка к «Ты» (Du-Findung), на других людей или на власть.

Такова первейшая жизненная проблема. Теперь мы переходим ко второй. Вопрос о занятии: как ты хочешь стать нужным человеком? — актуален в нашей жизни отнюдь не случайно. И не имеет значения то, что некоторые считают этот вопрос несущественным, как впрочем и первый.

Чрезвычайно редко случается так, что человек, выбрав себе профессию, становится нужным сразу для всего человечества. Для этого необходимо понимание хода развития человечества в целом. Возможно, существуют другие планеты, на которых людям не нужно работать. Но для нас вследствие нашей зависимости от земной коры работа — необходимость и добродетель, поскольку все наши добродетели проистекают из необходимости, из решения жизненных вопросов. И у нас нет никакой другой меры, кроме чувства общности, ибо сохранение этой общности есть задача каждого и одновременно основа для развития каждого.

Рассматривая второй жизненный вопрос, вы также обнаружите многочисленные трудности, связанные с ошибками, допущенными в воспитании ребенка. Эти ошибки заключаются в том, что они ведут к формированию у него чувства неполноценности вследствие того, что тот, кто находится рядом с ребенком, лишает его свободы действий и высказываний и тем самым не позволяет ему осознать свою ценность. Интересно отметить, что как из изнеженных, так и из дерзких детей вырастают взрослые, которые не могут найти себе работу по сердцу. У этих детей отсутствует общественный импульс, — источник сознания собственной ценности для каждого. Они не умеют жить в сообществе. Из этого можно извлечь следующий педагогический вывод: этих детей обязательно нужно ввести в общество, так чтобы устранить у них чувство изолированности, — причем в общество не только детей, но и взрослых. Нужно создать маленький мир вокруг них. Совершенно очевидно, что в школе проявляют себя именно те дети, которые были подготовлены к общению в коллективе, в то время как другие остаются в тени. Теперь мы подходим к третьей жизненной проблеме — любви. В том, что мы говорили выше, уже содержатся указания на пути ее разрешения. Нелепо закрыть глаза на факт существования двух полов. Некоторым это все же удается. Однако их аргументы, направленные против того факта, что наша жизнь возможна только в сообществе, что наши способности реализуются лишь тогда, когда мы мыслим себя частью целого, — несостоятельны.

До сих пор мы говорили только о, так сказать, крайних случаях, но нет сомнений в том, что все нюансы подчиняются указанным нами закономерностям и условиям. Разрешение жизненных вопросов возможно лишь на основе прочных межличностных связей. Всякий иной путь противен природе и — как все противное природе в этой жизни — влечет за собой тяжелые последствия. Правда, благодаря эластичности человеческой души, благодаря запутанности различных жизненных обстоятельств и одновременному действию множества факторов связь между ошибкой и ее следствием часто неочевидна. И вообще нам свойственна некоторая, так сказать, близорукость, и эта связь ускользает от нас, хотя многое, например религия, учит нас распознавать ее. Объяснение неверного решения третьего жизненного вопроса следует искать в том, что здесь преобладают ошибки, для обнаружения которых принятый до сих пор способ рассмотрения был недостаточен.

Здесь можно усмотреть аналогии с решением первых двух жизненных вопросов. Можно с уверенностью сказать, что когда мы сталкиваемся с уклонением от решения третьего жизненного вопроса, то причины этого всегда следует искать в предыстории. Так, рассматривая с этой точки зрения гомосексуальность, вы в «каждом» конкретном случае обнаружите уже в предыстории какие-либо указания на гомосексуальное развитие. Было бы ошибкой доверяться видимости и думать, что это явление врожденно и неизменно; ведь при решении других жизненных вопросов мы можем наблюдать сходные обстоятельства и ситуации, неправильное развитие, вызванное неверными действиями окружающих, но это не заставляет нас предполагать, что обусловленная этим ошибочность решений носит неизменный характер и имеет врожденные предпосылки.

Что мы знаем о гомосексуалистах? Только то, что они проявляют интерес к существам одного с ними пола. Хотя все выглядит так, будто мы имеем дело с «интересом» и только, в действительности же это нечто гораздо большее. Зададим себе вопрос, что происходит с нормальным человеком, который проявляет интерес только к другому полу. Этот интерес представляет собой отнюдь не изолированное побуждение, а связан с множеством тенденций, устремлений, установок, с общей подготовленностью (Training), которая сказывается и в решении других вопросов. Следовательно, то, что мы склонны принимать за «интерес», в действительности является значительно большим, а именно, некоей тенденциозной подготовленностью (ein tendenzoses Training), в причинах и направленности которой нам и следует разобраться. Из изучения детства гомосексуалистов мы можем заключить, что в большинстве случаев мы имеем дело с детьми, у которых развилось весьма сильное чувство страха по отношению к родителям противоположного пола. Так, например, если у мальчика очень строгая мать, не слишком балующая ребенка теплом и лаской, то у него развивается чувство страха или, по меньшей мере, трепетного

уважения по отношению ко всему женскому полу. Таким образом, возникает такая форма жизни, которую при всей толерантности следует считать ошибочной, ибо при этом игнорируются важнейшие задачи общества. Еще и еще раз повторю, что ошибки, допущенные при воспитании, имеют многообразные последствия, и их действие начинает сказываться тогда, когда человек лицом к яйцу сталкивается с жизненными вопросами. И здесь на иго пути оказываются наряду с недостатками в общей подготовке также чувство страха и незащищенности. Такие люди, будь то трудновоспитуемые дети, преступники, больные или страдающие сексуальными отклонениями, даже приближаясь к желанной цели, всегда сворачивают с пути, не достигнув ее, и переключаются на какие-либо другие задачи. Это похоже на то, как если бы они вместо того, чтобы идти на фронт, окапывались бы где-нибудь в тылу, ибо решение их жизненных вопросов представляется им неминуемо связанным с каким-то тяжелым поражением или утратой.

Разобраться в затруднениях этих людей порой далеко не просто. Часто мы можем видеть, как такой человек исхитряется превратить нечто в свою противоположность, как он, к примеру, стремится к любви, но из-за избранного им несообразного способа действия сам же закрывает себе путь к достижению цели. Бывает так, что некто при лечении невроза проявляет максимум усердия и нетерпения как раз там, где следовало бы выждать, и терпит неудачу именно из-за своей спешки. Бывает и такое, например, что трудновоспитуемые дети сами приходят к пониманию своих ошибок, но это не ведет ни к каким действиям. Однако это возможно лишь в том случае, когда единая динамика этой связи остается скрытой. Возьмем тот факт, что имеется большое количество ленивых детей. Лени, конечно же, никак не назовешь добродетелью, поскольку она стоит на пути труда, соединяющего отдельного человека с обществом. Поэтому мы пытаемся бороться с леностью. Способ борьбы заключается не в том (и я уже упоминал об этом), чтобы выделять изолированные явления и пытаться их уничтожить. Обычно, когда к нам приводят детей с жалобой на леность, нам регулярно приходится слышать следующее: мы пробовали уже и по-доброму и по-плохому — ничего не помогает. Ни то, ни другое средство для нас неприемлемо; гораздо больше удивляют нас педагоги, которые полагают, что если они в сто первый раз повторяют ребенку то, что он уже слышал, то не иначе как по волшебству или с помощью некоей магической силы, заключенной в этих словах, он вдруг станет другим человеком. Но если вместо этого заняться рассмотрением предыстории таких детей, то скоро станет ясно, что это последнее положение вещей имеет долгое и сложное происхождение. Мы имеем дело с детьми, которые не верят в себя, которые находят свою лень естественной. Посредством лени они, без сомнения, создают для себя некую благоприятную ситуацию, из которой их выманить весьма и весьма нелегко. Когда им нечто не удается, о них не говорят: «Это неспособный ребенок», — но говорят: «Это все лень» и «если бы он не был таким ленивым, у него все бы получилось». Если такой ребенок не выполняет свои задания, то за него берутся с удвоенной энергией, в то время как прилежный ребенок достается без внимания. Есть даже немало таких детей, которые культивируют в себе лень только потому, что таким образом они привлекают к себе внимание. Какие меры воздействия применяются к таким детям? Они трудятся в, так сказать, облегченных условиях. И если с ними обращаются жестко и даже бьют их, они ведут себя так, как будто не понимают, где они находятся, в какой мир они попали. Вопрос о лени также следует рассматривать в контексте системного единства личности. Неорганизованных детей можно наблюдать довольно часто: они повсюду оставляют свои вещи и совершенно не обнаруживают склонности к порядку. Если мы останемся при частных фактах, то сможем только констатировать, что ребенок нарушает порядок и доставляет окружающим хлопоты. Но если мы попытаемся рассмотреть все факты во взаимосвязи, то наше внимание постепенно переместится на другого человека, а именно, человека, который создает порядок. Вы, конечно, с этим согласитесь: когда мы слышим о неорганизованном ребенке, то всегда рядом находится кто-то, кто озабочен порядком.

В связи с этим я хотел бы обратить внимание на еще одну ошибку, которую часто совершают дети. Неорганизованные дети часто лгут. Мы сможем верно определить причину тогда, когда сами зададимся вопросом: при каких условиях я стал бы лгать? Например, тогда, когда мне предстоит нечто, связанное с опасностью, нечто, на что я не чувствую себя способным, и вынужден прибегнуть к лжи. И ложь уже становится спасением, защитой и представляет собой не частный случай, а часть значительного движения, посредством которого — даже если оно оценивается как ошибочное — намереваются достичь каких-то выгод. Эта черта характера, всегда оставаясь с выгодой, брать верх, иногда столь глубока, что на поверхности мы можем наблюдать лишь тенденцию. Они лгут не только потому, что чувствуют над собой силу, но просто для того, чтобы вырасти в своих глазах, ибо их самооценка весьма занижена. Эта низкая самооценка представляется нам чрезвычайно значимой как часть подготовки ребенка к жизни; ведь мы узнаем, что уже с первых лет формируется в сущности важнейшая часть душевного развития. Мы отмечаем это у всех детей и можем констатировать, что все ошибки, все многообразные перипетии в последующей жизни обусловлены ошибками и промахами, допущенными в детстве. Теперь мы можем ответить себе на вопрос, почему опыт не приносит никакой пользы, почему люди так редко учатся на ошибках. Потому что единство личности тенденциозно окрашивает все переживания и «прокручивает» каждую ситуацию до тех пор, пока ее не удастся превратить в «опыт», иначе говоря, подогнать под общий жизненный план. Возьмем, к примеру, изнеженного ребенка, который стремится только к тому, чтобы все время быть рядом со своей матерью и не обнаруживает никакого интереса к каким-то другим вещам. Попытаемся угадать, как такой ребенок будет вести себя в школе. Мы точно знаем, что он плохо подготовлен к школе и, конечно же, не испытывает

никакой радости при мысли о ней. Он будет сопротивляться, кричать, плакать и в голове у него будет только одно: если бы я сейчас снова оказался дома. Все школьные задания будут вызывать у него протест, неприятие и ни о каком интересе не может быть и речи. Скоро станет ясно, что его способности не развиваются и так к нему и будут относиться. Что дальше? В самом благоприятном случае это просто закончится плохими отметками, что, само собой, лишь укрепит ребенка в его понимании: здесь плохо. Все такие переживания истолковываются ребенком по-своему. И если наказание ужесточается, то это лишь укрепляет детское убеждение: «Я так и знал, я здесь чужой». Его поведение в школе мы можем сконструировать заранее. Если ему, например, повезет с учителем и тот будет благожелательным человеком, то возможно последнему удастся оказать ему поддержку, так что у ребенка сформируется впечатление: «Учитель очень похож на мою маму, он так же себя ведет». Однако в настоящее время весьма нелегко создать в школе ситуацию так, чтобы дети ощущали материнскую заботу. В школе торжествуют иные законы и предъявляются иные требования. Как следствие, ребенок страдает от недостатка внимания. На него, как правило, смотрят как на «неспособного». И когда его выпускают в жизнь, он не верит, что сможет найти в ней свое место, он боится новых поражений, страшится новых ситуаций, новых занятий и всегда ждет лишь неприятностей. Он ведь уже столько раз пытался что-то сделать в жизни, и всегда его надежды рушились. И консультация по выбору профессии здесь ничем не может помочь, поскольку сводится к рассуждениям о различии сфер подготовленности.

Эта система ведет к многочисленным затруднениям и наносит непоправимый ущерб в дальнейшей жизни.

Разумеется, мы должны более точно изучить разного рода противоречия. Некоторые критики говорят: вот вам человек, который блестяще решил проблему профессии, но у него нет друзей, он ничего не хочет знать о других людях, и его эротическая жизнь зачахла. Неужели это можно назвать решением проблемы профессии, призвания, если человек с семи утра и до двенадцати ночи только и делает, что работает? Неужели такое положение вещей — в интересах человечества? Мы видим здесь ошибочное понимание призвания и общественной пользы, за что и приходится расплачиваться такой односторонностью. Кого интересуется этот тип, пусть почитает рождественские сказки Диккенса, в которых автор мастерски изобразил такого персонажа.

Мне хочется коротко рассказать вам о человеке, который на тридцатом году своей жизни оказался впутанным в уголовную историю. Согласно иску он садистски использовал детей для удовлетворения своих сексуальных причуд. Я здесь стремлюсь только к тому, чтобы разобраться, как этот мужчина пришел к своей перверсии как способу решения для себя проблемы любви. Следовательно, мы должны начать поиск того звена в цепи его развития, на котором он застрял. У этого человека не было ни друзей, ни профессии. Он жил за счет каких-то невероятных спекуляций на бирже. Но следует сказать, что интерес к ним он проявлял лишь эпизодически, время от времени. Его жизнь в основном заключалась в том, что он просиживал в кафе, читая газеты и обдумывая способы удовлетворения своих причуд. Он не посещал театр, не читал стоящих книг; такие вещи вызвали у него только презрение. Даже его походка и повадки были весьма характерными и как бы позволяли заглянуть в единство его личности. Он говорит своим телом. Например, движение руки (поднять, а затем небрежно уронить) ясно дает понять: «Все это ничего не стоит». И сколько бы с ним не разговаривали, он все время повторяет это движение. Эта пренебрежительность выражается не только в отдельных жестах, но и в почерке, когда в конце каждого слова мы видим направленный вниз росчерк, аналогичный в какой-то мере движению руки. И если мы теперь попытаемся понять причины того, что этот человек предстал перед судом, то мы увидим удивительное соответствие наших наблюдений всему его жизненному поведению. Подобно тому, как он движением руки обесценивает человека, так же он пренебрежительно отказывается от решения проблемы любви. Вы видите сами, дело вовсе не в том, чтобы заявить: «Вот человек с развитым чувством неполноценности, который стремится к власти». Конечно, и то и другое здесь присутствуют. Разумеется, не согласуется ни с какой общественной логикой то, что он выискивает детей для того, чтобы утвердить свое превосходство. Но то, что он всегда хочет быть неоспоримым победителем, мы понимаем именно как выражение его стремления к власти. Должно быть, некогда попытка решить вопрос любви закончилась для него неудачей. И не эта ли неудача явилась причиной формирования чувства неполноценности, с одной стороны, и стремления к власти, с другой? Мы должны здесь задаться вопросом: «Как происходило это развитие?» В какой-то момент, должно быть, была совершена ошибка, которая и явилась основанием для всего последующего. Обратимся к рассмотрению его взаимоотношений с людьми в период раннего детства.

Отец его был очень мягким человеком. Что же касается его матери, то ее отношение к жизни целиком характеризуется уже знакомым нам жестом. Она постоянно оказывала давление на сына, а тот стремился поменьше попадаться ей на глаза. Школу он закончил с превосходными результатами; однако его мать неустанно искала и находила в нем новые и новые недостатки. Он был хорошим музыкантом, играл на клавире, но это не спасало его от неудержимой критики со стороны матери. Как-то во время войны он намеревался приехать домой. Однако он получил отповедь матери в письме (его двоюродный брат был лейтенантом, в то время как он — только прапорщиком): «Не возвращайся домой до тех пор, пока тоже не станешь лейтенантом». Она

превратила своего слабого сына в жертву своего стремления всегда и над всеми брать верх и не сумела выполнить свою материнскую функцию, заключающуюся в том, чтобы сформировать у ребенка общественное чувство. Поэтому и случилось так, что молодой человек усвоил пренебрежительное отношение ко всему и превратился в никчемного человека со странными повадками. Сексуальное влечение обнаружилось у него, как и у большинства детей, довольно рано. Как только мать заметила у малыша (в возрасте трех лет) первые сексуальные порывы, ее гнев не было границ. Можно себе представить, каким мучениям и преследованиям она постоянно подвергала ребенка. Естественно, мальчик стал тайно, незаметно для матери, делать то, что она ему запрещала и что, как он знал, она не выносила; тайное удовлетворение своих сексуальных желаний в формах, свойственных раннему детству, позволяло ему как бы чувствовать себя сильнее матери. Так он и развивался: в тайной борьбе с матерью, чья власть представлялась ему несокрушимой.

Конечно же, такой ребенок плохо подготовлен к школе, и это проявляется даже не столько в учебных успехах (здесь все может быть очень хорошо), сколько в его отношении к товарищам. Понятно, что белая ворона в классе сразу же привлекает к себе внимание. Нам представляется это реакцией школьников, обусловленной стремлением к признанию общественного чувства. Если же среди них находится кто-то, кто сторонится таких проявлений, не обнаруживает для этого достаточного пыла, он становится объектом всеобщих нападков всех одноклассников. И вполне естественно, что этому мальчику приходит следующая мысль: разве я не прав? разве можно с ними дружить?

Мы уже слышали, что отец был очень мягким человеком, всегда брал сторону сына и старался выполнять его желания. Мы можем спросить себя: почему же отцу не удалось сделать так, чтобы развитие мальчика пошло иным путем? Именно потому, что последний озлобился в постоянной борьбе с матерью, все остальное, и даже мягкость отца, не имело для него никакого значения и служило только новым доказательством того, как плохо к нему относится его мать. Если один из родителей проявляет мягкость, а другой суровость, — борьба против строгой стороны становится еще горше.

Как видим, в развитии этого молодого человека отсутствует исключительное стремление к многообразию способов решения проблемы любви. Исходя из целостной картины, мы можем мысленно сконструировать присущую ему форму эротики. Достаточно лишь указать, что он держался отстранение от всех и в сфере эротики с раннего детства, так сказать, практиковал соответствующую форму. Он бы так и остался при этой форме, если бы не вмешательство случайного фактора. Отгородившись от других людей страхом и враждебностью, он неожиданно проявил большой интерес к сказкам и всякого рода историям. И одна из таких историй — история о Молохе, которому приносились в жертву дети, — показалась ему воплощением всей враждебности, испытанной им в детском возрасте. Эта история захватывала его все сильнее и сильнее и не только из-за его враждебности ко всему роду человеческому, но и потому, что он сам ощущал себя как бы в роли такого принесенного в жертву ребенка. Он говорил себе: меня тоже принесли в жертву Молоху. Измучив свою душу фантазией, он разбудил в себе чувство страха, жути.

Но почему же он стал садистом? Дело в том, что он принадлежал к тем людям, которые свое возбуждение, возникшее вследствие страха, переносят на сексуальную жизнь. Существуют самые разнообразные формы проявления страха, этого присущего всем людям аффекта. Можно определить типы страха. В большинстве случаев он воздействует на сердечные нервы, вызывает сердцебиение или аритмию. Есть другой тип страха: когда у людей дыбом встают волосы. Некоторые при страхе ощущают слабость, дрожь, спазмы желудка или кишечника, не говоря уже о множестве других более своеобразных проявлений. А у некоторых, как, например, в нашем случае, страх вовлекает в свою орбиту сексуальную жизнь.

Я полагаю, что ошибки в воспитании, допущенные в данном случае, ясны. Причиной этой искореженной человеческой жизни были недостатки воспитательной подготовки к жизни в детстве, что определило его характер. Здесь можно выделить, прежде всего, две ошибки. Первая большая ошибка заключалась в том, что те представления и выводы, к которым его привело поведение его матери, он схематически перенес на всех других людей. Вторая же состояла в том, что болезненную натуру своей матери он, не понимая ее болезненности, воспринимал совершенно естественно, как то, что присуще всем женщинам. Начиная с третьего года его жизни он направил весь свой интерес только на то, чтобы утверждать свою власть там, где она казалась безусловной и где у него появлялось чувство защищенности и превосходства. Он рос в изоляции, лишенный возможности обогащать свой опыт с помощью других детей и питался только теми впечатлениями и переживаниями, в которых он выступал как единственный сын своей матери.

Его промахи в решении жизненного вопроса, связанного с эротической сферой, полностью отражают его поведение в остальном. Эротикой он просто-напросто пренебрегал так же, как и другими вопросами, ведущими к обществу. Эта склонность к пренебрежению вполне соответствует впечатлениям, хранившимся в его душе с ранней юности. Он стал садистом, потому что такой способ добиваться победы — через принуждение более слабых — вытекал из его характера и

личности. Подчиняя себе других, он реализовал свое стремление чувствовать свою значительность. Эта структура его перверсии вырисовывается совершенно отчетливо. Если бы кто-то из вас задал мне вопрос, не явилась ли сексуальность этого человека причиной такого развития его натуры, то для того, чтобы ответить, мне пришлось бы повторить весь мой доклад и указать, что такое воззрение было бы совершенно необоснованным. Личность человека всецело едина, все в нем определяется его целью, а значит и форма его сексуальности также.

Понятно, что ответить на вопрос «Как я отношусь к искусству, живописи, архитектуре, музыке и т. д.?» можно, лишь приняв во внимание теснейшую связь с другими жизненными вопросами. Особое значение искусства обусловлено тем, что оно является путеводной звездой человечества. Это настолько важный момент, что под его влиянием находятся остальные вопросы. Искусство оказывает влияние на нашу способность чувствовать в целом, а также на чувство сопричастности (Mitmenschheit). Наше мышление, наша чувственность находится в сильнейшей зависимости от художественных переживаний, от удовольствия, которое нам дарит искусство. Развитие искусства отражает развитие общества. Искусство учит людей видеть и чувствовать, оно само есть некий язык и аккумулирует в себя огромные возможности. Художественное творение представляет собой как бы постройку, возводимую в согласии с живущей в нем мелодией.

Мы даже полагаем, что всякая деятельность связана каким-то образом с искусством. И мы, практики индивидуальной психологии, видим особое преимущество нашего труда по расшифровке человеческой души в том, что нашу работу можно назвать не только наукой, но и искусством.

Мой доклад, по крайней мере, положил начало решению поставленной мною задачи. Если мне удалось достичь хотя бы одного, а именно, обратить ваше внимание и интерес на этот вид исследований, то я думаю, что сегодняшний вечер не потрачен напрасно. Перед вами же стоит неизмеримо более сложная задача: не пренебрегать той мелодией, которая пронизывает вашу жизнь. Речь идет о много более важной задаче: о лечении людей, страдающих от неврозов, о приращении человеческого знания, о развитии понимания у каждого человека его собственной и чужой душевной жизни. Отношения между людьми могли бы радикально измениться, если бы они не противостояли друг другу как незнакомые континенты, так что человеку постоянно приходится проявлять осторожность и искать защищенности.

Речь идет о мировоззрении, о понимании смысла действительности, о мировоззрении, ориентированном на вопрос о детском характере, на понимание ближнего и нацеленного на правильное, насколько это возможно, решение трех важнейших жизненных вопросов.